

Эволюция и тактика*

Есть весьма легкий способ полемики: вы влагааете в уста противнику вами же измышленный абсурд, и потом победоносно громите этот абсурд к вящей своей славе. Способ легкий и удобный, но формальной логикой еще со времен Аристотеля¹ весьма сурово осуждаемый.

Я вспомнил о нем на днях, прочтя в местном «Русском Голосе»² некую малограмотную статейку неизвестного автора «Эволюция или тактика». Статейка эта, воспроизводя довольно широко распространенное обывательское представление, силится утверждать, будто примиренцы отрицают **тактический** характер нового курса советской власти и выдают изменение тактики большевиков за какое-то внутреннее и коренное изменение их духовной природы. Приписав противникам столь явный абсурд, автор статейки торжественно обличает его несостоятельность. Любопытно, что аналогичные мотивы можно подчас встретить и в нашей европейской эмигрантской прессе.

Во избежание всяких подобных «полемик», считаю уместным еще раз категорически засвидетельствовать, что примиренцы никогда не сомневались в чисто тактической основе нового курса советской власти. Они лишь утверждали и утверждают, что новая тактика большевиков имеет для страны глубокое принципиальное значение и что плоды ее будут обладать силой, непреодолимой даже для самих ее авторов. «Эволюция большевизма» есть эволюция его политики, а не его философии. «Эволюция большевизма» есть его разрыв с прежними методами хозяйствования, а вовсе не изменение его конечных целей в сознании его вождей. В этом не может быть сомнения. Но все дело в том, что большевизм, изменивший свою экономическую политику, переставший быть «немедленным коммунизмом», — не есть уже прежний большевизм. В этом тоже не может быть сомнений, и это единодушно подтверждается всеми сведениями, идущими из России. Отсюда ясно, что «тактику» нельзя противопоставлять «эволюции». **Эволюция тактики большевизма в основном хозяйственно-государственном вопросе есть эволюция большевизма.** Большевизм являлся прежде всего тактикой «прямого действия». Если же теперь он выбирает «обходной путь» — он уже

* Эта статья вызвала известную реплику Ленина на XI съезде (см. статью «Логика революции» в настоящем сборнике).

тем самым перестает быть прежним большевизмом, хотя конечные цели его остаются прежними. Но до них уже очень, очень далеко...

Чтобы не повторить по новому раз уже высказанной аргументации, и вместе с тем чтобы обличить грубое извращение нашими противниками наших мыслей, я позволю себе процитировать отрывки из своей собственной статьи, посвященной проблеме «перерождения большевизма». Эта статья была напечатана в «Новостях Жизни» от 6 апреля с. г., в связи с первыми телеграммами о предстоящем изменении экономической политики Москвы. Ее прогнозы теперь целиком оправдываются.

«Весь вопрос, разумеется, в том, — писал я в своей статье, — какой смысл вкладывается в понятие “эволюция большевистской власти”. Скептическое отношение к подобной эволюции будет вполне оправданным, если мы захотим в ней видеть отказ большевиков от своей собственной программы. Не подлежит ни малейшему сомнению, что вожди русского коммунизма, начиная с Ленина, не могут перестать и не перестанут быть принципиальными коммунистами... Но свидетельствует ли это, что политика Москвы обречена остаться без всяких изменений в своем конкретном курсе? Значит ли это, что большевизм чужд всякой эволюции?»

Отнюдь нет. *«Мир с мировой буржуазией, концессии иностранным капиталистам, отказ от немедленного коммунизма внутри страны» — вот нынешние лозунги Ленина: мы имеем в них экономический Брест большевизма... Ленин, конечно, остается самим собою, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собой, он вместе с тем несомненно “эволюционирует”, т. е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму. Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует, со своей точки зрения, лишь на время, лишь “тактически”, — но факт остается фактом».*

Кажется, ясно! Понятие «эволюции» определено в точности и никакого основания для кривотолков не дано.

Мотивы, руководящие советской властью в ее эволюции, очевидны. *«Россия должна приспособливаться к мирному капитализму, ибо она не смогла его победить. На нее нельзя уже смотреть как только на “опытное поле”, как только на факел, долженствующий поджечь мир. Факел почти догорел, а мир не загорелся... Нужно сделать Россию сильной, иначе погаснет единственный очаг мировой революции. Но методами коммунистического хозяйства в атмосфере капиталистического мира сильной Россию не сделаешь. И вот*

“пролетарская власть”, осознав, наконец, бессилие насильственного коммунизма, идет на уступки, вступает в компромисс с жизнью. Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от “лозунгов социалистической революции”, твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — “буржуазной” природы. Вот что такое “перерождение большевизма”».

И уже тогда, семь с лишним месяцев тому назад, можно было предвидеть всю принципиальную важность для страны этого нового курса советской власти, тогда еще только намечаемого:

«Есть много оснований думать, что, раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будет для нее уже невозможным. По-видимому, именно с этим аргументом и выступает против новой тактики Ленина левая, “правоверная” группа. Но если такой аргумент в какой-либо мере действителен против Ленина, то с точки зрения интересов страны он абсолютно невесом: страна и не заинтересована в возвращении к ортодоксальному коммунизму».

Я привел эти не допускающие двух толкований выдержки в целях выяснения не со вчерашнего дня установленной примиренческой точки зрения на проблему «эволюции большевизма». Время лишь подтвердило правильность этой точки зрения. Согласно всем сведениям, идущим из России, страна явно оправляется под влиянием нового правительственного курса, продиктованного разумным учетом общей обстановки. «Места» с чрезвычайной быстротой воспринимают новые директивы центра, и жизнь даже стремится обогнать ликвидирующие коммунизм декреты. «Зачем нам приглашать кадетов, если мы сами можем стать кадетами?!» — уже шутят большевистские вожди в ответ на советы привлечь в правительство представителей буржуазных групп. Это — шутка, но достаточно характерная: по тактическим соображениям большевики «притворяются» властью, способствующей насаждению «буржуазного» строя. Но ведь в конце концов важны не мотивы их, а конкретные результаты их деятельности.

Все яснее становится, что повернуть «назад к коммунизму» Москве даже и при желании уже не удалось бы. Формируются новые социальные связи, созревает «советская буржуазия» — прочное и реальное «завоевание революции». Новые хозяйствующие элементы — крестьянство, «омелкобуржуазившиеся» рабочие, новая буржуазия городов — крепко связаны с порядком, созданным революцией,

но они решительно не заинтересованы в реставрации насильственного «коммунизма», прекрасно пригодившегося лишь для разрушения старого социального строя. При таких условиях не подлежит сомнению, что эволюция большевизма будет на наших глазах все развиваться и углубляться. Новые экономические отношения уже отражаются в правовой сфере (новый гражданский кодекс, выработанный народным комиссариатом юстиции), затем неизбежно наметятся реформы управления, а когда окончательно созреют кадры новой буржуазии, — последуют, вероятно, соответствующие «рефлексы» и в области «большой политики». Но революционный облик страны все же останется, и глубоко заблуждаются те, кто еще мечтает о контрреволюции старого, «белого» или «зеленого», типа. Мы вступили на «путь термидора», который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной, советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией — долг русских патриотов, а посильно содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу «новому курсу» революционной власти, становящемуся жизненным, мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского.

Такова позиция примиренчества в вопросе «эволюции большевизма». Если кто-либо хочет **добросовестно** оспаривать эту позицию, то он должен прежде всего понять ее. Иначе кроме «холостых выстрелов», кроме пустой и несносной болтовни — ничего не получится.

Три «борьбы»

I

Рыцари Грюнвальдусы¹ нашей эмиграции уже заерзали на своих камнях под влиянием неотразимой логики жизни. Но вовсе покинуть облюбленные и насиженные словесные «позиции»² они все еще не в состоянии. «Дела и дни»³ давно ушли вперед, а язык по привычке твердит старые фразы, нередко уже лишённые какого бы то ни было осмысленного конкретного значения. Прочистить же национальную идеологию от засорившего ее балласта изжитых настроений не хватает силы и интеллектуальной смелости.

До сих пор, как известно, большая часть эмигрантской прессы пропитана все той же сакраментальной формулой: **борьба**. О борьбе